

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Сапожниковой Юлии Львовны «Категория идентичности как художественная доминанта в афро-американских классических и новых историях рабов (XIX-XXI вв.)», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 -литература народов стран зарубежья (американская литература)

Актуальность диссертационного исследования Ю.Л. Сапожниковой обусловлена повышенным интересом в современной науке - литературоведении, философии, культурологии - к вопросу национальной идентичности, справедливо определяемой автором как важнейшая категория, характеризующая восприятие людьми своей истории и окружающего мира. Исследование вопросов, связанных с художественным воплощением проблемы самоидентификации в афро-американской литературе, являющейся важной составляющей сложной и многоликой литературы США, в целом и в связи с обращением к жанру классических и новых историй рабов, в частности, открывает новые перспективы в изучении данного вопроса, в осмыслении путей развития национальной американской литературы. Активное, плодотворное обращение к культурологическому, историческому, лингвистическому материалу в построении литературоведческого анализа исследуемых художественных текстов делает данную работу весьма интересной, свидетельствует об актуальности выбранного автором направления научного исследования.

Столь же убедительной представляется и научная новизна диссертационного исследования Ю.Л. Сапожниковой. Впервые в российском литературоведении проанализирована категория идентичности как жанровообразующая доминанта. Несмотря на то, что «истории рабов» не раз

становились объектом изучения в отечественном литературоведении, Ю.Л. Сапожникова обращается к ним на ином теоретическом уровне - на уровне жанровой принадлежности, акцентируя внимания на своеобразии проблемы идентичности как жанровой доминанты, заполняя тем самым некую лакуну в сложившейся научной литературе - как теоретической, так и историко-литературной. Впервые в отечественном литературоведении рассматривается жанр «новые истории рабов». Диссертантка вводит в научный оборот ряд произведений таких авторов, как Д.Э. Дархем, Э. Джоунс, Дж. Макбрайд, Н. Картер, Л. Кэри, Л. Меривезер, Б. Чейз-Рибу и Ш.Э. Уильяме.

Теоретическая значимость работы, без сомнения, определяется системным характером наблюдений соискательницы над процессами формирования жанра - от «историй рабов» к «новым историям рабов», и определения форм реализации в них ключевой категории идентичности, что позволяет говорить о вкладе в изучение историко-литературного процесса в США, в частности - формирования жанровой системы.

Практическая значимость исследования видится в том, что материалы диссертации могут быть использованы в разработке курса лекций по истории и теории американской литературы и культуры, а также при проведении семинаров и спецкурсов в рамках изучения зарубежной литературы, могут стать основой учебников и учебных пособий, использоваться в комментариях к рассматриваемым текстам.

Междисциплинарный характер исследования (с активным использованием культурологических, лингвистических методик анализа), позволивший обогатить литературоведческий инструментарий, оказался чрезвычайно продуктивным, обеспечил масштабность постановки проблемы, убедительность их решения. Работу в целом отличает глубокое погружение в исторический, культурологический материал; обращение к лингвистическому анализу позволяет диссертантке открывать новое значение понятий, образов.

Композиция диссертационного сочинения в целом представляется убедительной, логичной: введение, 6 глав, заключение и библиография, насчитывающая 497 источников.

Во введении формулируется актуальность выбранной темы для современного литературоведения, осмысливается степень изученности, определяются новизна, цель и задачи исследования, теоретическое и практическое значение, положения, выносимые на защиту. Диссертант обосновывает выбор произведений, использование терминологии для обозначения жанра (с. 10-12) - с учетом лексического значения слов, особенностей перевода, культурологических и социальных аспектов. Тем не менее, следует отметить, что предмет и объект исследования определены неточно, «наоборот»: исходя из формулировок темы и цели, в работе исследуется категория идентичности (предмет исследования), являющаяся важной жанровой доминантой в «историях рабов» и «новых историях рабов» (объект исследования). Ю.Л. Сапожникова убедительно обосновывает выбор собственных терминологических определений, однако в ряде случаев обнаруживается неточность в понимании термина и, следовательно, его использовании. Поскольку в теме заявлен интерес к «категории идентичности» как «художественной доминанте», то следовало обосновать связь между понятиями «категория» и «проблема», ибо автор в работе при анализе романов обращается чаще к «проблеме идентичности». В своей диссертации Сапожникова Ю.Л. исследует проблему идентичности как жанрообразующую доминанту, однако данное терминологическое уточнение не прописано во введении. Например, на с. 13: «Поиск идентичности...становится художественной доминантой обеих литературных форм». В работах В.В. Виноградова, Р. Якобсона, М.М. Бахтина, Б. Эйхенбаума, Ю. Тынянова и др. отмечается, что доминанта текста может быть выделена по разным основаниям- идеологическому, жанровому, образно-композиционному, временному, языковому. Рассматривая

категорию идентичности как художественную доминанту, формирующую жанр, следовало уточнить термин «доминанта» во введении.

1-ую главу можно считать теоретической, т.к. в ней Ю.Л. Сапожникова обращается к истории вопроса, останавливается на раскрытии ключевых понятий, определяющих жанр «истории рабов», затрагивая вопросы становления американской нации, обращаясь к категориям «этнос», «раса», «нация». Она акцентирует внимание на том факте, что афро-американская литература и культура в целом явились составляющей американской культуры, в частности, на роли «африканизмов» в формировании жанра. Хотелось бы видеть более точные определения, формулировки мыслей. Так, на с.41 диссертант пишет: «...борьба за признание в наши дни...идет в первую очередь не в политической, а в символической плоскости...». Что подразумевается под «символической плоскостью» и какая связь между этой «символической плоскостью» и возникновением произведений «о рабстве как ключевом историческом периоде, повлиявшем на идентичность и современных афро-американцев» (с.41)?

Убедительно представлены в главе определения жанров и жанровых модификаций, роль категории идентичности в формировании жанра. Отмечая отсутствие единого подхода к определению признаков жанра «истории рабов», выстраивая диалог с литературоведами (Т. Марковой, А.В. Лаврухиным, И.М. Удлер), диссертант обосновывает собственный взгляд на жанровую принадлежность «классических историй рабов» и «новых историй рабов», рассматривает специфику жанровых модификаций (с.60-61).

2-я глава посвящена анализу «историй рабов». Название главы – «Описание идентичности темнокожих американцев для белых читателей в историях рабов» - представляется не совсем удачным со стилистической и грамматической точек зрения: описание идентичности для белых читателей? Идентичность темнокожих для белых? И что значит – «описание»?

В разделе 2.1. истории рабов рассмотрены с точки зрения проявления в них «авторского начала». Интересно здесь представлен анализ историй рабов с тендерной точки зрения. Ю.Л. Сапожникова свободно владеет литературным материалом, что позволяет ей держать в поле зрения произведения различных авторов, убедительно проводить сопоставление, выявлять сходство и различия, обоснованно определять общие особенности женских инвариантов «историй рабов», анализировать формы и цели использования метафор и других тропов, антропонимов у различных авторов. Принимая за основу особенности этих произведений, выделенные И.М. Удлер, диссертант отмечает и собственные - использование метафор из животного мира, мотивы разрушительного влияния рабства, речь и др. Однако непонятна в ряде случаев логика подачи материала, например, переход от Ф. Дугласа к Г. Джейкобе на с.84. Возможно, тезис о том, что их объединяет (с.85), следовало сделать исходным, а не заключительным.

В разделе 2.2. рассматривается процесс структурирования проблематики идентичности через художественную реализацию устойчивых бинарных понятий. Вызывает вопросы название раздела («Конструирование идентичности через систему бинарных оппозиций в историях рабов»): что означает здесь слово «идентичность»? в конструировании чего принимает участие «система бинарных оппозиций» - *категории* идентичности? Тем не менее, обращение к выявлению роли «системы бинарных оппозиций» в процессе «конструирования идентичности» представляется обоснованным и доказательным. Выявление этих важных смысловых оппозиций на уровне мотивов, образов позволяет автору рассмотреть механизм формирования проблемно-тематического комплекса данной жанровой формы, увязывая в единое целое идейное и стилевое начала. Представляя эту систему (которая, как система, более очевидно представлена в автореферате и разделе 4.3.), диссертант в данном разделе не всегда акцентирует внимание на формулировании названия этих оппозиций. Так, после анализа оппозиции

«белое / черное» она переходит к разговору о Боге (в женских инвариантах «историй рабов») - где здесь оппозиция? От разговора о религии следует необоснованный, на мой взгляд, переход к оппозиции «речь / молчание»: фраза «в этой связи необходимо коснуться... (с. 106)» не убеждает, что эта связь есть. На с. 108: «...выделение собственной уникальности на фоне других рабов» - это бинарность? Что понимает диссертант под бинарностью? Было бы логичнее вначале определять тип бинарной пары, а затем раскрывать ее идейно-тематическое значение. Так, сначала в разделе идет анализ темы побега, потом следует тезис «с темой побега связана оппозиция «рабство \ свобода» (с.110). Кроме *темы* побега, в каких структурах поэтики реализуется оппозиция «рабство / свобода»?

В разделе 2.3. Ю.Л. Сапожникова исследует «стратегии использования и частичного пересмотра классических жанров в текстах первых темнокожих писателей» с учетом тендерных особенностей, обосновывая различие социальными причинами. Диссертант обнаруживает хорошее знание истории вопроса, владеет информацией социологического и культурологического характера, приходит к оригинальным и обоснованным выводам о специфике процесса становления жанра «истории рабов». Вызывает ряд вопросов представленная в диссертации связь «истории рабов» с традициями сентименталистского романа. Хотелось бы знать, какие черты жанра сентименталистского романа автор работы находит в «истории рабов», кроме обращения к описанию чувств и переживаний рабынь? Возможно, происходит смешение понятий «сентиментальность» и «сентиментализм». Ю.Л. Сапожникова использует неправильный термин: следует говорить о жанре не «сентиментального романа», а «сентименталистского романа». В начале раздела 2.3. говорится о сентиментальности как «главной эстетической категории» (с. 116); на с. 126 сентиментальность определена как «эмоционально-смысловое начало» - какую связь диссертант видит между сентиментальностью в подобном определении и формой

сентименталистского романа? В какой мере на анализируемых авторов влияли традиции европейского или американского сентименталистского романов? Представляется, что Ю.Л. Сапожникова не сделала нужных акцентов на соответствующих литературоведческих понятиях, определяющих особенности жанровой формы сентименталистского романа (сюжет, образ и т.д.), о которых, собственно, и идет речь в работе в связи с перечислением событий, отраженных в романе (с. 127-128). Говоря об изображении природы (очевидно, следовало говорить о создании пейзажа в романе) (с. 128-129), диссертант обращается к особенностям стиля, акцентируя внимание на языковых аспектах текста, риторических приемах. Как анализ поэтических фигур помогает выявить связь с жанром сентименталистского романа? Вероятно, более пристальное знакомство с работами литературоведов, изучавших жанр сентименталистского романа (например, К.Н. Атаровой «Лоренс Стерн и его «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии». - М.: Высшая школа, 1988), позволило бы диссертанту избежать столь досадных недоразумений. Рассматривая связь «историй рабов» с каноном сентименталистского романа, Ю.Л. Сапожникова обозначает и различия, но при этом не называет тех уровней поэтики, на которых это различие очевидно. Отмечая в выводе «мастерское владение доминантным дискурсом», автор определяет в случае с авторами-женщинами его как «канон сентиментального романа» (с. 137), при том, что акцент был сделан все же на отступлении от этого канона. На каких повествовательных уровнях прослеживается в историях рабов данный жанровый канон?

В 3-й главе Ю.Л. Сапожникова обращается к «новым историям рабов» в контексте их связи с жанром исторического романа и жанром истории рабов. В разделе 3.1, представляя авторов, определивших развитие жанра на новом этапе, диссертант создает некий биографический обзор, в котором прослеживает обстоятельства появления новых произведений, объединенных интересом авторов к определенным темам, идеям, формам, выявляет

своеобразии отдельных писателей (например, особенности психологизма У.Дюбуа). Подробно останавливаясь на Гарлемском ренессансе, диссертант вводит в российский научный оборот новые имена, однако возникает вопрос: что нового (помимо введения новых персоналий) в подробном обзоре сказано диссертантом; в какой мере эти авторы имеют отношение к «новым историям рабов»? Представляется, что связь данного материала с предметом и объектом исследования не обозначена в тексте работы очевидным образом. В ряде случаев биографические сведения представлены избыточно (Р. Райт, например). Возможно, более правильно было бы не предлагать обзор творчества отдельных писателей, а, в соответствии с темой диссертации, выявить общие тенденции в литературе, сопоставить направления в постановке проблем. Замечу, что по аналогичной схеме построен и раздел 4.1.

В разделе 3.2. Ю.Л. Сапожникова обращается к вопросу изменения отношения к собственной идентичности у темнокожего населения, к анализу исторических и культурных условий формирования жанра «новые истории рабов». При этом основное внимание уделено не собственно жанру, а контексту, представляющему собой историческую справку об укреплении прав негритянского населения, новых движениях и т.д., занимающему 6 страниц из 11. В названии раздела заявлено «новое определение собственной идентичности», и диссертант таковым в «новых историях рабов» полагает обращение к истории. Однако ранее в работе утверждалось, что первые авторы историй рабов понимали важность «воспоминаний» (с. 191). Воспоминание - это обращение к прошлому, т.е. к истории. Если обращение к прошлому было характерно для первых авторов, то в чем тогда особенность понимания идентичности на новом этапе, в «новых историях рабов»?

В разделе 3.3. внимание акцентируется на определении жанровой природы произведений. Поставив задачу проследить связь «новых историй рабов» с жанром исторического романа, Ю.Л. Сапожникова подробно

останавливается на работах, рассматривающих вопрос об особенностях историзма в литературе, определяет специфические черты историко-философского и историко-психологического романов. Возникает вопрос: что имел в виду диссертант, предлагая такое название раздела: «Особенности новых историй рабов как жанровой модификации исторического романа, их типология»? В разделе речь идет о *типологии исторического романа*, но не о типологии «новых историй рабов». Возможно, Ю.Л. Сапожникова имела в виду, что типология новых историй рабов обусловлена типологией исторического романа? Какова типология (т.е. каковы типы) новых историй рабов?

Весьма удачно в 4,5,6-х главах проведено сопоставление новых и классических «историй рабов», выявлены и обоснованы поэтические элементы, структурирующие категорию идентичности как жанровую доминанту на новом историческом этапе. Так, в разделе 4.2, несмотря на то что основной акцент при трактовке образов сделан на лингвистическом аспекте, убедительно раскрыто понимание новыми авторами рабства как социального и психологического феномена. В разделе 4.3. перед Ю.Л. Сапожниковой стояла, очевидно, нелегкая задача: удержать в поле зрения широкий круг писателей, произведений; выявить группы, объединенные общим взглядом на проблему идентичности, - с которой она успешно справилась. Особенно удачным представляется выявление сходств и различий через сопоставительный анализ бинарных понятий, которые здесь раскрыты более четко, нежели в разделе о классических историях рабов.

В 5-й главе Ю.Л. Сапожникова четко определяет философскую позицию писателей, чьи романы рассматривает как «новые истории рабов», обозначает их оригинальность в русле литературных традиций, определяет понимание ими идентичности. В главе много интересных, оригинальных наблюдений над трансформацией традиционных, шаблонных образов в

новых историях рабов, в частности у И. Рида. Однако название раздела 5.3. представляется громоздким, перегруженным информацией.

В 6-й главе объектом анализа становятся романы Д.Э. Дархема, Э.П. Джоунса, Дж. Макбрайда, Т. Моррисон, Б. Чейз-Рибу с точки зрения стратегии формирования психологической интерпретации категории идентичности как жанровообразующей доминанты. В разделах представлены оригинальные, достаточно убедительные наблюдения над различными элементами формирования категории идентичности в избранном аспекте. Однако следует заметить, что раздел 6.1. построен по принципу «медальонов», причем обращение к биографии Т. Моррисон и краткому пересказу содержания ее романов представляется нецелесообразным, т.к. эта информация известна - творчество писательницы не раз становилось объектом анализа в российском литературоведении. Хотелось бы увидеть иную форму подачи материала, большую аналитичность.

В разделе 6.2. объектом анализа становится преимущественно роман Т. Моррисон, в то время как другие авторы (Д.Э. Дархем, Э.П. Джоунс, Дж. Макбрайд, Б. Чейз-Рибу) остаются на периферии. Название раздела, как и в случае с разделом 5.3., сформулировано некорректно со стилистической точки зрения («Раскрытие идентичности...через проблематику»),

В разделе 6.3. явно представлена новая группа авторов (впрочем, вновь появляется Т. Моррисон, с тем же романом), произведения которых отличает то, что, собственно, и звучит в названии раздела. Но *как* можно определить название этой группы? Если дается типология «новых историй рабов», то можно было бы подумать и о точном названии, определении каждой типологической группы. Вместе с тем, в разделе убедительно проанализированы особенности повествовательных стратегий в романах писателей, проведен лингвистический анализ текстов - тонкое чувство языка помогает диссертанту обозначить важные аспекты интерпретации проблем, образов, почувствовать авторскую концепцию. Широкий кругозор позволяет

Ю.Л. Сапожниковой выявить показательные аллюзии, смысловые доминанты. Интересно проанализирован прием «соположения прецедентных текстов в одном контексте» в романах Макбрайда, Чейз-Рибу. Однако не совсем понятно: какое отношение это имеет к «психологизму» и «приемам магического реализма», что заявлено в названии раздела. Здесь же можно увидеть и мысли, не получающие должного доказательного подтверждения. Так, на с. 379 читаем: Б. Чейз-Рибу «рисует жизнь героини как существование меж двух миров, что восходит к произведениям Ч. Чесната». Доказательств тому, что в этом - традиции Ч. Чесната, в работе нет. Сама писательница признавала это влияние? Почему именно традиции Чесната, никто другой не писал о существовании героя «меж двух миров»? Хотелось бы видеть более доказательные, обоснованные выводы о наследовании канонам.

В заключении Ю.Л. Сапожникова представила основные итоги своего исследования, формулировка которых убеждает в обоснованности представленной в работе научной гипотезы.

Сделанные замечания носят в основном уточняющий или рекомендательный характер и не снижают как общего впечатления от работы, так и ее высокой оценки. Ю.Л. Сапожниковой удалось создать целостный, интересный, аргументированный, концептуальный труд, в котором убедительно проанализирована роль категории идентичности как художественной доминанты в процессе формирования жанров «истории рабов» и «новые истории рабов», являющихся важной составляющей большой и самобытной литературы США. Историко-литературные и теоретические материалы органично сочетаются в работе. Работа написана хорошим литературным языком; нет сомнений в том, что она будет востребована читателями - как филологами-профессионалами, так и студентами, аспирантами; в исследовании чувствуется многолетний преподавательский опыт автора, без сомнения, также способствовавший

успеху предпринятого труда. Работа получила достаточную апробацию. Основные положения и содержание диссертации адекватно и полно отражены в автореферате и в 36 публикациях автора.

Приведенные аргументы позволяют сделать вывод, что представленное диссертационное исследование «Категория идентичности как художественная доминанта в афро-американских классических и новых историях рабов (XIX-XXI вв.)» соответствует основным критериям, установленным Положением о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 года, № 842 (пп. 9-14), а его автор, Юлия Львовна Сапожникова, заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 - литература народов стран зарубежья (американская литература).

Доктор филологических наук
профессор, заведующий кафедрой истории
зарубежных литератур
ГОУ ВПО «Московский государственный
областной университет»

Лунина Ирина Евгеньевна

105005, Москва, ул. Радио, д. 10-а
kaf-iszar@mgou.ru

